

“примитива”, которая шла как бы навстречу народничеству высокой литературы, обладала большими потенциальными возможностями.

В начале периода писатели Урала - в основном чиновники, связанные с государственной деятельностью, и ссыльные, во второй половине XIX века - местные уроженцы. Их произведения основываются на знании местной жизни, что становится эстетически значимой чертой творчества.

Октябрьский политический переворот привел как к разрушению традиционной фольклорной культуры, так и к ликвидации потенциальных возможностей культурных гнезд. Прежде всего, пострадали конкретные люди - носители развивающейся народно-светской традиции. Культура, взяв на себя идеологические функции, становилась образным воплощением лозунгов власти или, в лучшем случае, внушалась в усеченном образовательно-школьном варианте. И хотя это давало определенные стартовые возможности конкретным людям, утрата самобытности местной культуры оказалась неизбежной. Однако наивная свежесть восприятия мира, открытая в культуре “примитива” не пропадает, а становится стилевой доминантой в искусстве 20-х годов.

Е. К. Созина
Екатеринбург

ТЕМА “МЕСТА” ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Изучение топологии художественного текста — преимущественная прерогатива “наук о духе” XX века. В топике литературы XIX века особое значение, на наш взгляд, имеет категория (а если угодно — концепт) “места”, дешифровка которой возможна в нескольких планах. *Во-первых*, “место” (topos) характеризуется как особый вид пространственного хронотопа того или иного произведения (topos Петербурга в романах Достоевского; topos порога, улицы, площади, переулка и т.д. у него же; topos дворянской усадьбы в произведениях Пушкина, Тургенева, Толстого, Салтыкова-Щедрина и др.): в отличие от хронотопа, здесь акцентируется пространственно-смысловая локализация событий произведения, как бы “стягивающая” текст на себя. *Во-вторых*, имеет смысл говорить о topos’е человека в произведениях русских классиков. Несмотря на очевидный и многократно педалируемый в исследованиях антропоцентризм литературы XIX века, “место” человека в ней может быть весьма

различным и зависит от идейно-художественных установок автора, в конечном счете, — от его художественного метода (так, “место” человека теснится “обстоятельствами” жизни — пресловутой “средой” в литературе “натуральной школы”, в творчестве писателей-реалистов так называемого социологического направления). В-третьих, своеобразие “места” человека может определяться универсальными для писателя ценностно-мировоззренческими координатами — его картиной мира или внутренним миром художественного произведения. В романах и повестях Тургенева человек занимает свое место в природно-космическом целом, в общем хоре мироздания; у Достоевского — в системе отношений с людьми, эксплицированной в виде религиозно-нравственных норм и законов (человеческий космос); у Л. Толстого, в соответствии с эволюцией его мировоззрения, мы видим движение самого человеческого *topos*’а от “места” среди людей, включая сюда главный ориентир Толстого — народно-патриархальную, крестьянскую среду, к нахождению своего “места” в космически-божественном мировом целом; с известной долей условности можно сказать, что “место в Боге” — конечная цель самого Толстого. Четвертый возможный уровень коннотации — понимание места в жизни героями внутри сюжетной действительности произведения; здесь “место” — аналог экзистенциальных ценностей личности, включая в них и ценности социальные, нравственные, природные и т.д.

В пределах последнего из выделенных нами смысловых полей “места” человеческого располагается путь героя в русской классике, обычно вызванный его тягой к самоутверждению и индивидуально-личностной реализации. У истоков русского 19 века стоят “странствователь” и “домосед” Батюшкова, они же — Теон и Эсхин Жуковского (см. аналогичную дихотомию в критике Ю. Айхенвальда: “путешественник” Карамзин и “домосед” Крылов), в идеологическом плане типологически связанные с двумя ведущими направлениями русской мысли середины века — западниками и славянофилами: “здесь” или “там” помещается “место” России, в подпочвенном слое истории или в пространственно перемещаемом локусе инокультуры и иноцивилизации. В литературе и общественном сознании России большую валидность приобрел тип “странствователя” — “скитальца” и “русского европейца” (Чацкий - Онегин - Печорин - Бельтов - Рудин - Иван Карамазов и др. герои Достоевского, etc.); “дом” и “домоседство” получают приоритет скорее в 20 веке, в творчестве писателей, скрытых или явных эмигрантов (от М. Булгакова до Шмелева и Бунина). Конфликт героя с миром, вызванный его тотальным несогласием с

заранее отведенным ему природою “местом”, является центральным в произведениях Тургенева; сама типология тургеневских персонажей определяется своего рода топологической антропологией: Лежнев — и Рудин, Николай Петрович Кирсанов с Аркадием — Павел Петрович Кирсанов с Базаровым (первые видят себя на своем месте, вторые ищут его, хотя, естественно, поиски их безрезультатны). Здесь *topos* оказывается равносильным смыслу человеческой жизни в целом.

Иное значение имеет поиск “места” в творчестве Салтыкова-Щедрина, раннего Достоевского периода “Бедных людей”, Гончарова. Пожалуй, Щедрин из всех — наиболее пространственно ориентированный писатель. Проблема “места” ставится им уже в “Запутанном деле”, причем конвенционально-социальный смысл этой категории (“получить место”, т.е. устроиться на службу) уже здесь расширяется до смысла экзистенциального: место человека в мире понимается как его человеческое и глубоко индивидуальное предназначение, как его судьба. В социально-сословном, иерархизированном мире “места” для “маленького человека” нет, точнее, то, что ему уготовано, не вмещает даже его “малости”. Щедрин и ранний Достоевский ставят вопрос о “невмещаемости” человека в уготованные места, о несогласии его с ними. И здесь же рождается проблематика зрелого творчества Достоевского: открытие некоего человеческого “излишка” или “избытка”, который тревожит в первую очередь его самого, ибо мешает жить и создает массу неудобств, побуждая искать адекватного *topos*'а в трансцендентном. Щедрин от поиска “места” для отдельной индивидуальности идет к моделированию своей уникальной топологии, своих у-топосов, вначале располагающихся в пространстве одного русского города (Крутогорск), а затем — всей России, если не мира (Глухов).

Героев Чехова мы видим вновь уже “на месте”, однако по инерции и они не соглашаются с ним и ищут другого (“вон из Москвы” Чацкого трансформируется в “в Москву” сестер, затем меняется на “Париж” Раневской, в целом же никитинское “бежать отсюда” — лейтмотив судьбы чеховского интеллигента). Вместе с тем, именно Чехов ставит жирную “точку” на линии пути-бегства русских “скитальцев”. Место нужно не искать, а структурировать там, где стоишь: здесь и теперь (Лаевский в “Дуэли”, “Дядя Ваня”, “Огни”, “Студент” и др.).